

Утром, в конце августа, в лицо дул легкий ветерок, пропитанный влажной жарой.

Цинь Чэн неторопливо ехал на велосипеде в сторону школы с ленивым выражением на лице. Из школьной формы на нем были только штаны, а сверху была надета его собственная белая футболка, подол которой развеивал ветер.

Охранник уже было собрался его остановить, но узнал в лицо и только крикнул:

- Велосипеды на территории кампуса запрещены! Вычесть баллы за отсутствие школьной формы! - а затем отвлекся на кого-то другого.

Проходившие мимо ученики возбужденно обсуждали сплетни, и Цинь Чэн поневоле их услышал:

- Точно! В шестом классе новенький переведенный ученик!

- Он альфа. Я слышал, что его посадили рядом с Цинь Чэном.

- Что? Рядом с Цинь-гэ?

У Цинь Чэна невольно приподнялись брови.

Переведенный ученик? В его классе? Посадили сидеть рядом с ним?

Чушь.

С начала старшей школы он сидел один. Вчера он прогулял занятия, и классный руководитель Лао Сюй все еще ругала его. Должно быть этот новенький был безнадежно испорченным человеком, раз уж его усадили рядом с ним.

Завидев его, кучка омега сразу же прикрыла рты и с покрасневшими лицами поздоровалась:

- Доброе утро, Цинь-гэ!

- И вам доброго утра, - ответил им с улыбкой Цинь Чэн, его все это особо не волновало.

Несколько человек искоса подглядывали за ним. Линия изгиба подбородка у этого альфы была красивой, переносица - высокой и прямой, а глаза - глубокими и проникновенными. Ему даже не нужно было выпускать феромоны - одно это лицо заставляло дико биться сердца, а ноги - слабеть.

С самого утра Цинь Чэну хотелось спать. Он не пошел в класс, а развернулся и отправился прямо в туалет на первом этаже. Кабинет директора располагался на третьем этаже, а место, где ученики Пятой старшей школы нарушали правила – на первом.

Он прошел в самую дальнюю часть туалета, вытащил сигарету и затянулся. Никотин проник в легкие и разнесся по нервам, отчего Цинь Чэн почувствовал прилив энергии. Его биологические часы, которые привыкли выключаться в два часа ночи и включаться около полудня, еще не совсем отрегулировались к школе. С утра он был сонным и раздраженным.

Что было еще хуже, в закуток, где он курил, набежали люди.

- Йоу! Разве это не наш Сяо Чэн?

Цинь Чэн наклонил голову. Чжао Хай и еще несколько «младших братьев» столпились у двери туалета, агрессивно на него указывая пальцами. Цинь Чэн думал, что в сравнении с этим ребенком, который блуждал в цикле «нарваться – получить – нарваться снова – снова получить», он сам довольно крут. Если он сам вложит всю свою энергию в учебу, то должен быть в состоянии прыгнуть прямо к степени доктора наук.

Видя, что он ничего не отвечает, Чжао Хай яростно улыбнулся.

- Что, увидев Чжао Гэ, ты со мной даже не здороваешься?

Цинь Чэн небрежно бросил сигарету на пол и затушил ее носком ботинка.

- А, так это мой Чжао-эр? – когда он поднял глаза на Чжао Хая, его голос был сонным и тихим.
- Увидел, что папочка пришел?

[П/п: Школьники тут занимаются писькомерянием: «сяо» – маленький, младший, «гэ» – уважительное «брат» (не только по крови), «эр» - уменьшительно-ласкательный суффикс, назвать себя чьим-то папочкой – поставить противника в подчиненное положение, а самому задаваться и раздувать свое эго.]

Когда «младшие братья» увидели, что Чжао Хай провоцирует именно Цинь Чэна, они неосознанно отошли назад. А Чжао Хай, потеряв лицо, тут же поменял тон:

- Не напрашивайся на побои!

Пока он это говорил, сильный запах яблок с устрашающим давлением яростно рванулся к Цинь Чэну. Выражения лиц нескольких слабых альф, стоявших поодаль, внезапно стали уродливыми.

Вот только для альфы уровня Цинь Чэна феромоны Чжао Хая были слишком ребяческими. Он

не особо на них отреагировал и даже захотел зевнуть. Он и правда смеялся каждый раз, когда чувл запах этого феромона, и в этот раз сдерживаться не стал.

- Сынок, - рассмеявшись, сказал он, - твои феромоны такие молодые и свежие, ну прямо как у девочки.

В следующую секунду его глаза потемнели. Ошеломляющий запах сырой древесины, смешанный с неопиcуемым запахом табака, свирепо раздавил Чжао Хая.

У Цинь Чэна были глубокие черты лица, густые брови и двойные веки. Когда он улыбался, его глаза слегка прищуривались, придавая ему дружелюбный вид. А когда улыбка с его лица пропадала, черты казались холодными и суровыми, словно окутанными тенью, что заставляло людей вздрагивать при его виде.

Он всегда сохранял контроль над собой, и другие люди не почувствовали устрашающего давления феромонов высокоуровневого альфы. Феромонами был подавлен только Чжао Хай.

У Чжао Хая от стыда покраснело лицо. Ни о чем больше не думая, он размахнулся и ударил человека, который источал феромон. Цинь Чэн увернулся, чтобы избежать удара, рукой схватил Чжао Хая за запястье и резко поднял колено.

Что-то бухнуло. Чжао Хай прикрыл руками живот и, дрожа, сделал несколько шагов назад. Лицо у него побледнело от боли. Он опустился на колени и его стошнило.

Цинь Чэн сдержал свои феромоны и бросил на Чжао Хая взгляд. Как раз, когда он собрался уйти, у него в ушах раздался пронзительный крик:

- Здрасьте, директор!!!

Цинь Чэн остановился и огляделся с улыбкой. Несколько «младших братьев», лояльных Чжао Хаю, тут же опустили головы, прикинувшись, будто ничего не видели. Удовлетворенный Цинь Чэн тут же изобразил соответствующее удивление.

Когда директор Чжао зашел в туалет, он увидел мальчика, который плакал, сидя на полу. Вокруг него стояли поедатели дынь*. [П/п: зеваки.]

- Кто кого избил? - директор был сбит с толку.

Долгое время никто не произносил ни слова. Директору Чжао оставалось только назвать информатора самому. Он ткнул пальцем наугад.

- Ты! Скажи это.

Цинь Чэн посмотрел в том направлении, куда указывал палец директора, и был ошарашен. Ученик, на которого указывал директор, выглядел незнакомым.

Взгляд Цинь Чэна в первую очередь упал на ежик волос. В школе те, кто носил такую стрижку, были либо хорошими послушными мальчиками, либо отчаянными бунтарями, как он сам. Этот ученик явно относился к последним.

Цинь Чэн мог дать лицу, которому шла стрижка ежиком, девять баллов из десяти. Один балл он вычел за сережку в правом ухе, потому что она заставила натурала Цинь Чэна нахмуриться.

Но если не обращать на это внимания, то у незнакомого ученика были холодные и красивые черты лица, равнодушные глаза и все выражение лица с аурой холода. Цинь Чэн практически хотел ему свистнуть: красивый братец, тебя сюда послала обезьяна, чтобы похвастаться? [1]

Тот парень посмотрел на него с выражением, которое было не очень-то дружелюбным. Цинь Чэн был несколько сбит с толку, но не стал об этом слишком сильно задумываться. С самого детства людей, которые смотрели на него с неприязнью, было очень много. И спрашивать каждого «Почему я тебе не нравлюсь?» было бы слишком глупо.

Цзянь Хэн, держа одну руку в кармане, прислонился к двери. Он бросил взгляд на директора и произнес низким и хриплым голосом с оттенком необъяснимого недовольства:

- Он бил людей, - Цзянь Хэн сказал это прямо, указав подбородком в сторону Цинь Чэна.

Цинь Чэн был ошарашен. Первой его реакцией был не гнев - вместо этого он задавался вопросом: откуда между ними двумя взялись какие-то обиды и ненависть? Должно быть, этот человек оказался подкреплением, которое нашел Чжао Хай.

Цинь Чэн, наклонив голову, посмотрел на директора. Директор посмотрел на не в ответ и сердито сказал:

- Цинь Чэн! Это снова ты! Катись в офис и найди своего классного руководителя!

Цинь Чэн издал в ответ какой-то звук, похлопал себя по штанам и вышел. Он скользнул взглядом по лицу Цзянь Хэна, молча запоминая его.

Создавать проблемы прямо перед носом директора он не хотел. В прошлый раз директор настоял на том, чтобы позвонить его родителям, а когда дозвонился до его матери, то подлил масла в огонь, намекнув, что Цинь Чэн собирается кого-то убить.

Проходя мимо Цзянь Хэна, Цинь Чэн учуял дуновение альфа-феромона, от которого его волосы встали дыбом. Сердце сильно забилось, и ему показалось, будто вся кровь в его теле потекла в обратном направлении. Ноги у Цинь Чэна были длинными, и в следующую секунду расстояние

между ним и Цзянь Хэном увеличилось. Эта иллюзия бешено колотящегося сердца раздражала Цинь Чэна без всякой на то причины.

В офисе Сюй Хуа громко хлопнула книгой по столу.

- Цинь Чэн, в первый день учебного года ты попросил у меня отгул, а во второй - устроил драку! Ты что, больше учиться не хочешь? Кто в прошлом семестре пообещал, что в следующем не будет устраивать мне неприятности?!

- Все, что вы говорите, верно, - Цинь Чэн искренне признал свою ошибку.

- Верно, хрена с два! - Сюй Хуа уставилась на него, ненавидя железо за то, что оно не стало сталью. [П/п: То есть не оправдало надежды.]

- У Чжао Хая хотя бы есть время на учебу, а у тебя? Что ты вообще умеешь, кроме как играть? Думаешь, что игры в будущем станут источником пропитания для твоей семьи?

Цинь Чэн не злился, даже когда его ругали.

- Я думаю, что это нормально, - улыбнувшись, кивнул он. - Я могу зарабатывать больше денег, играя в игры.

- Ты все продолжаешь дерзить! - Сюй Хуа был так зла, что у нее покраснело лицо. Прежде, чем продолжить, она несколько раз вздохнула. - Я забочусь о тебе с первого класса старшей школы. Ты хоть когда-нибудь за это время не дрался и не избивал людей? Репутация школьного тирана Старшей школы А - это так круто, правда? Все тебя боялись и не осмеливались с тобой связаться потому, что ты сильный, да?

- Нет, совсем не сильный, - возразил Цинь Чэн.

- Прекращай нести ерунду! - Сюй Хуа посмотрела на него и сказала. - Вчера в наш класс перевели нового ученика. Его зовут Цзянь Хэн. В классе нет свободных мест, поэтому он некоторое время посидит за твоим столом.

- Цзянь Хэн - отличник. Хоть какое-то время веди себя хорошо, не создавай проблем и не мешай ему учиться. Если посмеешь бездельничать, я заставлю твою мать с тобой разобраться.

Когда Цинь Чэн собирался пойти на занятия, кое-кто на него указал и донес. Более того, доносчик был ему незнаком. Он не стал никак на это реагировать перед Лао Сюй, но внутри у него все горело от гнева.

Когда Цинь Чэн шел к своему месту, он неосознанно поднял глаза и увидел сидевшего рядом незнакомца.

В первое мгновение он не отреагировал.

Тут же яростная аура того же самого рода устремилась к нему. Инстинкт альфы принудил его остановиться. Цинь Чэну неосознанно захотелось выпустить феромоны, чтобы отбиться. Ощущение вставших дыбом волос было слишком знакомым – это оказался тот же парень из туалета.

Он действительно оказался новым соседом по парте, да и отношения у них с самого начала сложились неудачно.

Цинь Чэн воспротивился своему инстинкту и сел. Просторная раньше парта показалась довольно тесной – обычно он занимал полтора места сам по себе, но теперь, когда там находился Цзянь Хэн, ему пришлось отступить на свою территорию.

Двое высоких и длинноногих альф сидели рядом. Пространство внезапно словно уменьшилось – руки мешали друг другу, а ноги прижимались к ногам.

Цинь Чэн расстроено подумал: на таком расстоянии что-то бы обязательно случилось, будь это омега. Если кто-нибудь просидел здесь хотя бы один день, то у них, вероятно, уже был бы ребенок.

Подросток-альфа обычно недостаточно зрел и обладает сильным чувством территориальности. Когда к нему приближается аура такого же уровня, у него невольно зашкаливает уровень феромонов в попытке дать отпор.

Все это не повлияло бы ни на кого другого, но этого хватило, чтобы расстроить обоих и поднять им кровяное давление.

Цинь Чэн учуял холодный и влажный аромат ладана и, полагаясь на интуицию, предположил, что это и был чрезвычайно редкий альфа-феромон Цзянь Хэна – ладан.

Феромоны, которые должны были быть успокаивающими и нежными, становились чрезвычайно агрессивными, когда их выпускали на Цинь Чэна. Даже небольшое, случайно выпущенное их количество, заставляло его хмуриться и прилагать огромные усилия, чтобы сдерживать себя.

Запах его феромона – сырое дерево, та штука, которая горит в благовониях. Теоретически, столкновение двух таких чистых конфликтующих альфа-феромонов должно было заставить Цинь Чэна захотеть избить другого человека до полусмерти, но теперешнее учащенное сердцебиение и прилив крови по всему телу ощущались слишком хреново.

Ему придется терпеть это ощущение и сидеть рядом с Цзянь Хэном целый семестр. От одной только мысли об этом жизнь казалась совершенно мрачной.

Если он сейчас скажет Лао Сьюй, что хочет пересесть, интересно, в какой позе она изобьет его до смерти?

Цинь Чэн терпел. Протерпев некоторое время, он подумал – а почему Цинь-гэ должен кое-кого баловать? Цинь-гэ никого не балует.

Цинь Чэн нахмурился и сказал не очень дружелюбным тоном:

- Ты не можешь хоть немного сдержаться? – он понизил голос. – Тебе не неудобно?

Цзянь Хэн взглянул на него. По холодным чертам лица прочитать его эмоции было невозможно. Он вытащил из парты учебник по математике, открыл и подписал своим именем. Почерк был сильным и резким, наполненным неопределимой свирепостью.

Сердце Цинь Чэна пропустило удар. Он его спровоцировал.

- Это действительно неудобно, – тихо ответил Цзянь Хэн, его взгляд скользнул по Цинь Чэну. – Парта в таком беспорядке, что даже впечатляет.

- Что это ты имеешь в виду? – у Цинь Чэна целиком потемнело лицо.

Есть, что сказать, – говори нормально. На драку что ли нарываешься?

Цзянь Хэн наклонил голову и посмотрел на него. Тот уставился на него в ответ, и некоторое время двое молодых людей буравили взглядами друг друга. Два феромона, стоявших на вершине биологической пирамиды, яростно столкнулись в воздухе, вокруг них летали искры, но оба они хорошо контролировали себя и влияли только друг на друга.

- Что ты имеешь в виду? – медленно повторил Цзянь Хэн. Его эмоции потеряли стабильность из-за запаха сырой древесины от соседа по парте, и провокация в какой-то момент стала получаться у него просто инстинктивно.

Он немного покрутил ручку в пальцах, пристально посмотрел в глаза Цинь Чэну и произнес слово за словом:

- А что ты думаешь?

- Нарываешься на драку – так и скажи, – Цинь Чэн не хотел создавать проблемы, но и не

боялся с ними встретиться. Взглянув на сережку в ухе Цзянь Хэнэ, он прищурился и добавил. – Не тяни как сучка.

Кажется, никто никогда раньше ему этого не говорил. Цзянь Хэн на мгновение остолбенел, его взгляд стал опасным и впился в Цинь Чэна словно дикий зверь.

- Ты... - начал Цинь Чэн. - Выглядишь, будто у тебя мозги на полшестого. [2]

- Цинь Чэн, - учительница английского поправила очки. Обычно Цинь Чэн ничего не слушал на уроках, но, по крайней мере, дисциплину в классе он ни разу не нарушал. А сегодня что случилось?

Цинь Чэн замолчал. Он повернул голову и махнул рукой, давая понять, что больше говорить не будет. Только после этого учительница английского продолжила объяснять материал. Краем глаза Цинь Чэн заметил, как Цзянь Хэн пристально смотрел на него некоторое время, а затем отвернулся, закрыл учебник математики, положил его на учебник английского, затем положил на них голову и устроился поудобнее.

Спать.

Слова, которые Лао Сюй сказала ему в офисе, предупреждая, эхом отозвались в голове Цинь Чэна: ...Цзянь Хэн - отличник. Хоть какое-то время веди себя хорошо, не создавай проблем и не мешай ему учиться. Если посмеешь бездельничать, я заставлю твою мать с тобой разобраться.

Итак, большой школьный тиран и почетный отличник, по словам Лао Сюй, заснул на первом уроке на второй день после перевода в новую школу? Этот человек, наверное, получил звание почетного отличника, угрожая учителю ножом, чтобы тот изменил его оценки.

Цинь Чэн хотел сказать очень много чего, но не мог этого сделать. А еще он не знал, раздражал ли его чисто запах ладана или этот человек - Цзянь Хэн - сам по себе, но внутри у него все горело. Он раздраженно пригладил волосы, а затем тоже лег на стол и начал играть с мобильным телефоном.

Пришло сообщение WeChat, и Цинь Чэн его открыл.

Тань Ци-эр: [Как твой новый сосед по парте? Ты чувствуешь запах его феромонов? Маленький О попросил меня узнать, чем именно он пахнет.]

Цинь Чэн недовольно нахмурился: только что перевели нового альфу, а он не удержался и кинулся расспрашивать, даже не выяснив детали. Это потому, что запах твоего Цинь-гэ потерял привлекательность?

Не выдержав, он кинул взгляд в сторону. Профиль Цзянь Хэна был четким, и даже когда тот

спал, его окружала аура суровости. Холодная и свирепая, походившая на его феромоны, она необъяснимо заставляла Цинь Чэна беспокоиться.

Списав все на то, что ему не нравится внешний вид Цзянь Хэна, Цинь Чэн дважды нажал на экран.

[Заработать денег на поддержку семьи: Лосыфэнь [3] с приправами.]

Никакой активности там не было.

Примечания анлейтера.

Титул «школьный тиран» 学霸 (xié bà) означает любящего учиться, умника, лучшего преуспевающего ученика (сленговое выражение). Так называют и Цинь Чэна и Цзянь Хэна. Но у меня есть ощущение, что Цинь Чэна называют так именно потому, что у него замашки тирана (то бишь хулигана), а не потому, что он хорошо учится, а вот Цзянь Хэн – настоящий преуспевающий ученик.

[1] 你 shit hóu zi pài lái zhuāng bī de ma (Ты ли тот спаситель, которого послала обезьяна?) Оригинальная фраза – 你 shit hóu zi pài lái zhuāng bī de ma (Ты ли тот спаситель, которого послала обезьяна?) из знаменитого китайского романа «Путешествие на Запад». Значение 你 shit hóu zi pài lái zhuāng bī de ma варьируется в Китае от региона к региону. Его можно перевести как «притворяться», «хвастаться», «блефовать», то есть показывать качества, которых у тебя на самом деле нет, обманывать своим поведением.

[2] 废物 (jí báo) На самом деле я немного запуталась. Первоначальное значение слова – бесплодный, неплодородный, скудный, незначительный; бесплодная земля, бесплодное поле, обедневший регион/жители. По словам интернет-пользователей, это модное словечко, которое не имеет ничего общего с первоначальным значением. Говорят, что это ругательство или эвфемизм для члена, короче, это вызов мужчине и его интеллекту. Предполагаю, что это что-то вроде «импотент», но еще подразумевается, что интеллект другого человека «бесплоден».

[3] 捞尸饭 (luó sī fǎn) Лосыфэнь – дословно «рисовая лапша с улитками». Китайский суп с лапшой, фирменное блюдо провинции Лючжоу, Гуаньси. Блюдо представляет собой рисовую лапшу, подаваемую в супе. Бульон для супа готовится на свиных костях с речными улитками несколько часов с черным кардамоном, семенами фенхеля, сушеной мандариновой кожурой, корой кассии, гвоздикой, белым перцем, лавровым листом, корнем солодки, песчаным имбирем и звездчатым анисом. Обычно мясо улиток туда не кладут, а подают с маринованными побегами бамбука, маринованной зеленой фасолью, измельченным древесным ушком, свежими зелеными овощами и маслом чили. Маринованные побеги бамбука усиливают запах блюда.